

Яньгу — обольстительный призрак из Фэнду, не принадлежащий ни небу, ни земле, чьё происхождение теряется во тьме веков. О нём говорят: соблазн — его облик, морок — его суть, порок — его кровь, а пленительная прелесть — его кости.

У Реки Забвения раскинулось бескрайнее море багровых цветов, известных как цветы смерти. Именно здесь и очнулся Люцзин.

Место было жутким. Когда он открыл глаза, вокруг царил непроглядная тьма: ни единого луча света, ни единого звука. Казалось, само время остановилось, а пространство застыло в абсолютном безмолвии.

Люцзин, едва соображая от слабости, оперся о землю и заставил себя подняться. Он не понимал, ослеп он и оглох или же это место действительно было столь зловещим — вокруг не было видно ни зги.

Он до смерти боялся оступиться и рухнуть в бездну, но долго стоять без дела не смог. Люцзин осторожно повернулся, огляделся по сторонам — но повсюду простиралась лишь бескрайняя, удушливая чернота.

«Где я, в конце концов?»

Пока он растерянно озибался, во тьме вдруг раздался тихий напев:

Яньгу, Яньгу, алый шёлк и дивный взор,

Танец на светильнике, искр живых узор.

Яньгу, Яньгу, гордый дух во тьме ночной,

Косы фениксом сплелись, шлейф волос за ним волной...

Голос звучал невероятно нежно, созвучно шелесту ветра в бамбуковой роще или журчанию чистого ручья. Он казался совсем тихим — звучал у самого уха и одновременно доносился словно с края света.

Люцзин торопливо повернулся на звук. Вдруг у ног неведомого гостя вспыхнула алая искра. В то же мгновение багровое пламя захлестнуло всё вокруг, ослепляя своей внезапной яркостью.

Его сердце испуганно сжалось: Люцзин не верил собственным глазам — таинственный

незнакомец танцевал прямо на лепестках цветов.

Алое море подкатывало к самым ногам Люцзина. Он ошеломленно смотрел на покачивающиеся бутоны — пунцовые лепестки, кроваво-красные стебли. Попятился, во все глаза глядя на танцора. Тот находился совсем близко, но разглядеть его лицо никак не удавалось.

Всё было в точности как в песне: фигура в алых одеждах, чьего лица нельзя было разобрать, плавно скользила по цветам. Длинные волосы касались земли. Каждое движение этого высокого, стройного силуэта дышало непостижимым величием и изяществом.

Взмах широких рукавов — и в воздух взмывали мириады лепестков, словно эти алые цветы рождались прямо из шёлковых складок.

Незнакомец кружился, продолжая петь:

Яньгу, Яньгу, там, где алый лес стеной,

Буду я на цитре петь, ты станцуешь предо мной.

Яньгу, Яньгу, лишь один подаришь взгляд —

Время вспять замедлит ход, мысли чистые царят.

Напев был совсем коротким, но в груди Люцзина защемила тоска. Он и сам не понимал, откуда взялась эта печаль. Безликий силуэт кружился в летящем танце, рукава взмывали вверх, а лепестки сыпались сплошным дождем, застилая взор.

Танцор замер и устремил взгляд на Люцзина. Расстояние между ними было ничтожно малым, но лицо незнакомца по-прежнему ускользало от взора, словно перед глазами Люцзина натянули тончайшую вуаль.

И всё же он ясно почувствовал этот взгляд. Его глубокий, темный взгляд манил, подобно бездонному звездному небу, заставляя позабыть обо всем на свете.

Тысячи слов теснились в груди, но Люцзин не мог проронить ни звука.

Внезапно фигура напротив начала рассеиваться облаком светящихся искр. Алый силуэт истончился, тая в воздухе мгновение за мгновением.

Испугавшись, Люцзин невольно протянул руку, пытаясь удержать его, но пальцы схватили

лишь пустоту — незнакомец бесследно исчез.

Вновь воцарилась тишина. Казалось, всё это было лишь наваждением. И если бы не раскинувшееся вокруг бескрайнее море багровых цветов, Люцзин и сам не понял бы, явь это была или сон.

Но как только незнакомец пропал, этот причудливый мир, похожий на замкнутый барьер, затрепал по швам. Алое поле пошло трещинами, словно разбитое зеркало. Земля под ногами бесшумно раскалывалась, осыпаясь во тьму.

Повинуясь инстинкту, Люцзин пошатнулся, пытаясь отступить, но бескрайнее море цветов уже рассыпалось на мириады осколков и окончательно растворилось.

Люцзин не успевал опомниться от стремительной смены видений, как мир вокруг преобразился вновь. Теперь перед ним раскинулась зловонная, грязно-жёлтая Река Забвения, на чьей поверхности покачивались сомнительные ошметки. Позади же тянулся бескрайний пыльный тракт — Дорога Жёлтых источников.

— Свежий мясной отвар! Только что нарубил, только что сварил! Подходи, честной народ!

С противоположного берега внезапно донесся громкий возглас. Люцзин торопливо всмотрелся в туманную даль, и от увиденного у него перехватило дыхание.

Окутывавшая реку дымка на мгновение рассеялась, являя взору раскинувшийся на том берегу пейзаж. Из белесого марева проступили очертания величественных зданий. Изогнутые карнизы крыш, устремленные ввысь ярусы башен, мрачные тона — всё это выглядело одновременно грозно и пугающе.

Перед одним из домов у огромного котла суетился сухопарый мужчина в грубых лохмотьях. Языки пламени, лизавшие дно котла, отчеканивали его бледное, изможденное лицо. Котёл доходил ему до самой груди. Склонив голову, мужчина неторопливо помешивал варево длинным черпаком.

— Мясо нежное, бульон наваристый — пальчики оближешь! Почтенные господа, не проходите мимо!

Судя по его веселому голосу, угощение и впрямь было отменным.

Люцзин коснулся живота — тот совсем ввалился, под кожей отчетливо прощупывались ребра. Но как перебраться через эту зловонную, обдуваемую ледяным ветром реку?

Вдруг из самой глубины тумана показалась маленькая лодка. Медленно покачиваясь на кроваво-жёлтых волнах, она приближалась к берегу. На корме, сгорбившись, сидел старик в

ветхом сером халате, его лицо полностью скрывали поля бамбуковой шляпы.

Нос лодки мягко ткнулся в прибрежную грязь. Не поднимая головы, старик глухим, надтреснутым голосом спросил:

— Переправиться хочешь, юноша?

От этого ледящего душу голоса у Люцзина по спине пробежали мурашки. Опешив, он робко выдавил:

— Но у меня... у меня нет денег.

Лодочник тихо, бесцветно рассмеялся:

— Хе-хе... Золотой челн плывет по морю страданий. Чужих не вожу, беру лишь тех, с кем свела судьба. Поднимайся на борт, платы не нужно.

Желание поскорее оказаться на том берегу было столь велико, что Люцзин, даже не задумавшись о подозрительной щедрости незнакомца, поспешно шагнул в лодку.

Едва он обрел равновесие, как почувствовал на себе чей-то пристальный взор. Он инстинктивно опустил глаза на старика, но тот по-прежнему сидел неподвижно, низко склонив голову под полями шляпы.

Пока Люцзин недоумевал, старик взмахнул веслами, и лодка послушно заскользила прочь от берега, направляясь к окутанной туманом пристани.

Люцзин примостился на краю. Случайно его взгляд упал на воду — и от ужаса сердце едва не выскочило из груди.

Река так и кишела разлагающимися трупами, мертвечину лениво грызли змеи и омерзительные гады, кое-где из воды скалились голые черепа и белели кости. На берегу зловоние казалось сносным, но здесь, посреди течения, густой удушливый смрад ударил в нос с такой силой, что у Люцзина перехватило дыхание. Внутренности скрутило спазмом, и он судорожно закашлялся, давясь рвотными позывами.

Лодочник, не обращая на него внимания, всё так же размеренно греб. Люцзин мертвой хваткой вцепился обеими руками в борт. От нескончаемых судорог казалось, будто внутри него сейчас что-то оборвется. Одной рукой он сжимал скользкое дерево, другой — комкал ткань на груди. Перед глазами всё плыло.

— Приплыли, молодой господин, — донесся до него сухой голос.

Лодка мягко качнулась, ткнувшись в берег. Люцзин едва расслышал эти слова сквозь застилавший сознание туман. Кое-как выбравшись на твердую землю, он попытался унять дрожь в коленях и хрипло выдавил:

— Благодарю вас, почтенный...

Старик лишь тихо усмехнулся. Взмах весел — и лодка мгновенно растворилась в клубах тумана.

— Не желаете отведать горячего отвара, сударь?

Круги на воде еще не успели разойтись, как у него за спиной раздался отчетливый мужской голос.

Отвар? Разумеется! Живот сводило от голода, нужно было срочно чем-то подкрепиться.

Измученное зловонием обоняние теперь остро реагировало на любой мало-мальски приятный запах. Люцзин сделал шаг вперед и приблизился к огромному бурлящему котлу, под которым весело плясали рыжие языки пламени.

Котёл, доходивший ему до груди, был высечен из простого серого камня — без узоров и украшений. Из-за узкого горлышка разглядеть содержимое варева издали было невозможно.

Люцзин перевел взгляд на повара. Тот выглядел совсем юным — едва ли старше двадцати лет. Приятные черты лица, доброжелательная улыбка... Вот только кожа у него была пугающе белой, почти прозрачной. Подавив невольное беспокойство, он вежливо улыбнулся:

— Приветствую, братец. Что за дивное кушанье ты варишь? Пахнет просто невероятно.

Цзюцин выпрямился и с любопытством оглядел гостя:

— Что-то я тебя раньше здесь не видел, господин. В каком из адов служишь?

Столь будничным вопрос озадачил Люцзина. Какая еще служба в аду?

— Я здесь впервые, — растерянно ответил он. — Нигде не служу.

Юноша у котла неподдельно удивился:

— Впервые? Но почему тогда с тобой нет господ Непостоянства?

Люцзин нахмурился. Имена показались ему смутно знакомыми.

— Господ Непостоянства?

— Ну да, — кивнул Цзюцин. — Если ты новоприбывший дух, они обязаны сопровождать тебя. Разве не Два господина Непостоянства привели тебя сюда? Как же ты тогда добрался? Покажи-ка свою подорожную.

Подорожную? Люцзин растерянно похлопал себя по бокам, проверил широкие рукава и пояс. Но, кроме добротных шелковых одежд, при нем не оказалось ровным счетом ничего.

Поняв, что гость тщетно обыскивает собственные карманы, Цзюцин недоуменно захлопал глазами:

— Что, совсем ничего нет?

Поймав его озадаченный взгляд, Люцзин лишь обреченно покачал головой.

Юноша озадаченно почесал в затылке:

— Чудеса да и только... Без подорожной, без конвоя... Как же тебя сюда занесло?

Люцзин и сам не знал, как объяснить происходящее. Сказать, что очнулся в кромешной тьме, а первым, кого он встретил, был безликий призрак в алом, исполнивший для него завораживающий танец? Звучало как безумие. Он лишь неловко кашлянул, пытаясь перевести разговор в другое русло:

— Давай не будем об этом, братец. Скажи лучше, из чего же получается такой наваристый отвар?

При упоминании своего кулинарного шедевра Цзюцин так и просиял от гордости:

— О, это моя гордость! Мясо свежее, только что нарубил. Начинка богатая, бульон густой. Всего три листа денег — и целая пиала твоя!

«Три листа бумаги за пиалу наваристого супа? Неужели здесь еда стоит так дешево?»

Сгорая от любопытства, Люцзин подошел вплотную к котлу и заглянул внутрь. Но лучше бы он этого не делал. Увиденное едва не лишило его чувств.

В густой багровой жиже, испускавшей обманчиво сладкий аромат, плавали куски

человеческой плоти. Обрубки рук и ног с недоваренным мясом то и дело показывались на поверхности. В некоторых местах плоть уже облезла, обнажая жуткие белесые кости с рваными краями, будто их терзали зубами дикие звери. Зрелище было омерзительным и пугающим до глубины души.

Люцзину хватило мгновения, чтобы внутри всё похолодело. Он повалился на колени у котла, содрогаясь в мучительных спазмах.

Цзюцин испуганно охнул и бросился к нему, принявшись хлопать ладонью по спине:

— Ох, господин, что с тобой?! Мясо-то ведь отменное, свежайшее! Человек только-только преставился, кровь еще остыть не успела, а ты...

Люцзин судорожно вцепился в его руку и отчаянно закивал, умоляя замолчать.

Варить суп из человечины и продавать его прямо у дороги... Господи, куда же он попал?

Кошмарные картины сменяли друг друга перед мысленным взором: кишасящая гадами река, изувеченные конечности в котле... Эти образы душили его, словно яд, лишая возможности сделать нормальный вдох. Спазмы накатывали один за другим.

Вдруг в горле что-то застряло. Люцзин почувствовал, как к горлу подкатил скользкий округлый ком. В животе вспыхнула резкая, невыносимая боль, словно внутренности разрывались на части. Он инстинктивно сжал ладонь Цзюцина, но тот вдруг испуганно закричал:

— Глотай обратно! Глотай, это же твой желудок!

Что за бред? Разве можно выплюнуть собственный желудок...

— Кха... — из горла Люцзина со свистом вырвался очередной спазм.

Покрытый темной кровью орган медленно выползал наружу. Цзюцин округлил глаза, его и без того бледное лицо сделалось белее мела:

— Быстрее запихивай обратно! Без желудка тебя ни в одну реинкарнацию не примут!

Преодолевая дикую боль и отвращение, Люцзин судорожно сглотнул, заталкивая непослушную плоть обратно в пищевод. Как только орган встал на место, несчастный бессильно повалился на землю, обливаясь холодным потом.

Цзюцин подхватил его под руки, не давая окончательно распластаться в пыли:

— Ну ты даешь, приятель... Как звать-то тебя? Я в Подземном царстве уже двадцать лет обретаюсь, но чтобы кто-то умудрился выплюнуть собственный желудок — такое вижу впервые! — в его голосе, несмотря на испуг, проскользнули веселые нотки.

Люцзин поднял на него мутный взгляд. Юноша сочувственно смотрел на него. Он коснулся его ладони — пальцы Цзюцина оказались холодными как лед.

«Как меня зовут? Кто я? Неужели я действительно мертв?»

В голове было пусто. Вопросы теснились один за другим, но ответов не находилось. Очнувшись в этом жутком месте, он не помнил ничего из своей прошлой жизни. Ни имени, ни прошлого — абсолютная, глухая пустота в сознании.

Он потерял память. Полностью.

Заметив, как побледнел и растерялся собеседник, Цзюцин тихо окликнул его:

— Приятель?..

— Я не знаю, — поспешно перебил его Люцзин. — Не знаю, кто я такой.

Цзюцин на миг опешил, а затем мягко улыбнулся:

— Да, дела... Ладно, разберемся. Скорее всего, ты просто позабыл всё от шока. Такое бывает с новоприбывшими душами.

Люцзин растерянно смотрел на него, а тот ободряюще похлопал его по плечу:

— Не переживай. Меня зовут Цзюцин. Я тут у Реки Забвения уже двадцать лет похлебку варю, так что со многими местными знаком. Как только увижу господ Непостоянства, обязательно расспрошу про тебя.

«Цзюцин...» — повторил про себя Люцзин. Этому юноше с мягким нравом и тонкими чертами лица имя очень подходило.

С момента его пробуждения прошло от силы пару часов. За это время он встретил лишь загадочного танцора в алом, молчаливого лодочника да этого торговца человечинной. И всё же искреннее дружелюбие Цзюцина согрело его измученную душу, подарив слабую надежду.

Опираясь на плечо нового знакомого, Люцзин с трудом поднялся на ноги и вежливо поклонился, сложив ладони:

— В таком случае... премного благодарен тебе, старший брат Цзюцин.

— Да брось ты, — смущенно отмахнулся тот, потирая затылок. — Мы ведь теперь в одном мире. Раз уж судьба свела, надо держаться друг друга.

Люцзин слабо кивнул, сиюсь выдавить бледную улыбку.

Хотя многострадальный желудок вернулся на место, Люцзина продолжало подташнивать. О том, чтобы прикоснуться к котлу с варевом, не могло быть и речи. «Неужели в Подземном царстве у всех такие... специфические вкусы?» — с содроганием подумал он.

Цзюцин вернулся к своему занятию. Люцзин же бессильно опустился на землю и огляделся. Те самые величественные постройки, которые в густом мареве казались совсем близкими, теперь виделись бесконечно далекими. Туман сыграл с ним злую шутку, исказив расстояние.

Подземное царство не выглядело пугающим в привычном понимании — хотя Люцзин и не помнил, каким представлял его раньше. Однако здешняя атмосфера была пропитана гнетущей пустотой и пронизывающим до костей холодом.

Окружающий мир казался лишенным красок, преобладали лишь блеклые пепельно-серые тона. Вокруг высились безмолвные каменные столбы, окутанные вечной дымкой. Если не считать жуткой реки с плавающими трупами, здесь царила мертвенная чистота. Ледяной воздух постепенно проникал под одежду, заставляя Люцзина дрожать всем телом.

«Неужели призраки чувствуют холод?» — отрешенно подумал он, обхватив себя руками.

Силы стремительно покидали его. Сознание Люцзина начало угасать, он повалился на холодную землю, погружаясь в глубокое забытие. Последним, что он услышал, был встревоженный, доносящийся словно сквозь вату голос Цзюцина, зовущий его по имени.